УДК 39

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В КОНЦЕПЦИИ Л. Н. ГУМИЛЕВА

© ***Лагойда Наталья Григорьевна***
кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы, заведующая отделом подготовки кадров высшей школы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А
E-mail: aspdep08@mail.ru

В статье рассматриваются особенности взаимосвязи этнического и культурного феноменов, этногенеза и культурогенеза в концепции Л. Н. Гумилева. Автором обосновывается идея того, что этногенез является своеобразным энергетическим источником культурогенеза. Как структурирующий принцип этносферы, он обусловливает культурное многообразие человечества. В процессе этногенеза создается этническая культура. Таким образом, энергетически питая культурогенез, этногенез детерминирует культурную специфику этносов на каждой фазе его развития. Проанализированы связь и соотношение взглядов Гумилева с альтернативными идеями в науке. Делается вывод о том, что выдвигаемая им концепция, с одной стороны, противостоит точкам зрения, имеющим место в современном этнологическом знании, а с другой – во многом дополняет их, обогащая теорию этноса новыми оригинальными идеями.

Ключевые слова: этнос, культура, язык, этногенез, фазы этногенеза, культурогенез, европоцентризм, пассионарный толчок, самосознание, духовность.

В современной науке существуют многообразные теоретические подходы к объяснению культурных процессов и культурно-исторического развития общества. В данной статье мы ставим перед собой задачу выявить особенности взаимосвязи этнического и культурного феноменов, этногенеза и культурогенеза в концепции Л. Н. Гумилева, а также рассмотреть этнос как культурное явление.

История культуры включает в себя немало учений, в которых отражены поиски закономерностей культурно-исторического развития человечества. Культура является объектом исследования различных областей социального знания: археологии, этнографии, социологии, фи-

лософии, истории, психологии и др. Каждая из них выделяет свой аспект изучения культуры и соответственно дает свое определение культуры. Широким признанием в отечественной культурологической науке пользуется понимание культуры, данное Э. С. Маркаряном в его труде «Очерки теории культуры» и других работах [1, 2]. Согласно определениям ученого, культуру следует понимать, как внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности. «Культура – есть то, что отличает человеческую жизнедеятельность от форм биологической жизни» [2, с. 27].

Коренные вопросы развития культуры в целом и этнической культуры активно исследовались такими отечественными этнографами и культурологами, как С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Э. С. Маркарян, Ю. И. Мкртумян, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров и др., однако далеко не все они могут считаться решенными.

В этнографической науке тема «Этнос и культура» занимает одно из центральных мест. Не так давно этнография считалась главным образом наукой о культуре и быте народов мира. Когда же в центре внимания этнографов оказались этносы, то это ненамного изменило ориентацию исследователей, ибо понятие «культура» у большинства авторов играет очень важную роль в определении самого понятия «этнос». Несомненно, что культура является одним их определяющих факторов в историческом развитии каждого народа и в формировании его этнического самосознания. Так, Н. Н. Чебоксаров писал: «По нашему мнению, именно культурная специфика вместе с языком, который ее выражает, должна рассматриваться в качестве главного критерия при разграничении этнических общностей» [3, с. 171]. Этот признак, как считает ученый, «позволяет во всех без исключения случаях отграничить один этнос от других этносов. Даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего на этом языке народа, поскольку его культура, в первую очередь духовная, в значительной мере всегда выражается на определенном языке... Этнография, наука о народах, является в то же время наукой об их культуре» [4, с. 99].

Гумилев по этому поводу высказал иную точку зрения: «Идеология и культура иногда могут являться признаком этноса, но не обязательным» [5, с. 53]. И далее: «Сведение этногенеза к “языково-культурным процессам” искажает действительность, умаляя степень сложности этнической истории, на что указывал и Ю. В. Бромлей...» [5, с. 56].

В свою очередь Ю. В. Бромлей характеризовал этнос прежде всего «общими относительно стабильными особенностями культуры, в том числе языка»; вместе с тем, он подчеркивает необходимость включения

в этнографические исследования «не только особенного, но и того общего в образе жизни, культуре и психологии народов, которое определяется их принадлежностью к одной социально-экономической формации, одному хозяйственно-культурному типу, одной историко-этнографической области и т.д.» [6, с. 264].

С. М. Широкогоров, в отличие от перечисленных выше авторов, считал культуру этноса биологической функцией. Он писал, что «в зависимости от степени развития культуры <...> приобретается большая устойчивость и сопротивляемость этноса, его энергия направляется на изменение самой среды». По его мнению, процесс культурного развития, носителями которого являются этносы, выдвигает тот или иной этнос в «руководящие», что при движении его и столкновении с высшими по культуре этносами приводит к созданию новых этносов, вследствие изменения среды [7, с. 128].

Отметим, что Гумилев вступает в полемику с некоторыми выводами Широкогорова. Так, по словам последнего, «стремление к захвату территории, развитию культурности и количества населения – есть основа движения каждого этноса» [7, с. 119], что по Гумилеву, в корне неверно, так как этносы в фазе реликта не агрессивны. Утверждение Широкогорова о том, что выживают менее культурные этносы, верно, по мнению Гумилева, только наполовину, потому что в ряде случаев наблюдается их гибель «перед лицом более культурного этноса» [5, с. 71].

В данном случае нам также интересна нетрадиционная классификация этносов, предложенная Широкогоровым [7, с. 36]. Суть его классификации состояла в делении этносов: а) по признакам антропологическим (особенностям строения тела – скелета, мягких частей, волос и т.д.); б) по признакам лингвистическим (языкам, наречиям, диалектам); в) по признакам этнографическим (классификация по культурным циклам, объединяющим этнос единой культурой и классификация по степени культурности этноса).

В связи с приведенной Широкогоровым классификацией этносов мы вынуждены не согласиться. Нельзя классифицировать этносы, применяя к ним понятия «культурный» или «некультурный». Мы придерживаемся в этом плане позиции Гумилева, который на протяжении всей своей творческой деятельности не уставал повторять, что не может быть «плохих» или «хороших» этносов или суперэтносов, ибо любой этнос в своем развитии подчиняется одним и тем же универсальным закономерностям этногенеза. Все народы, этносы, Земли, без исключения, обладают оригинальной этнической историей. Каждая культурная область имеет свой путь развития, и, следовательно, нельзя говорить об

«отставании» или «застойности» народов, а можно только отметить их своеобразие.

Однако термин «отсталый», если даже его и употреблять, не является оскорбительным, а иногда означает нечто позитивное, так как, по мнению Гумилева, этносы на ранних фазах своего развития «неистребимы и непокоримы» вследствие того, что в них существует большой заряд пассионарной энергии. За «отсталого» иногда принимают, напротив, опередившего. Так, к периоду великих географических открытий некоторые народы уже столь давно пережили свой расцвет, что казались отсталыми, например, полинезийцы или индейцы майя. Оценочные категории, как утверждал Гумилев, вообще неуместны по отношению к этносам. В этом состоит высокий гуманизм концепции ученого.

Автор концепции этногенеза отрицает также принцип европоцентризма, долгое время главенствовавший в западной, да и в российской науке. Согласно данному принципу, утверждается преимущество европейцев над прочими «неевропейскими» народами. Примером этому может служить выдвинутая еще в XIX в. Ф.Гегелем концепция философии истории, основанная на принципе мирового прогресса. Прогресс, по его мнению, должны были осуществлять германцы и англосаксы, как «исторические народы», а все обитатели Азии, Африки, аборигены Америки и Австралии – не способны к прогрессу, ибо являются народами неисторическими. Гумилев же полагал, что те народы, которых принято называть отсталыми, просто реликты. «Можно считать, – писал он, – что черные австралийцы, бушмены, мундруку, даже эскимосы – это старые этносы. Поэтому так бедна их материальная культура и так фрагментарна культура духовная» [5, с. 360]. Таким образом, становится понятно, что судить об уровне культуры того или иного этноса можно только на основании категорий, свойственных современной культуре, а это неприменимо к обществу, жившему по иным моральным законам и ценностям; поэтому нет смысла применять к ним оценочные категории.

Продолжая рассуждения, необходимо отметить, что существенное место в концепции этногенеза Гумилева отводится проблеме взаимоотношения процессов этногенеза и культурогенеза. Автор посвятил этому вопросу целый раздел в своей работе «Конец и вновь начало» [8] и одну часть в труде «Этногенез и биосфера Земли» [5]. Ученый при этом полагал, что на канве пассионарных взрывов и спадов можно построить историю культуры, где был бы не только перечень событий, но и объяснение, почему происходит то или иное явление в развитии культуры.

В противоположность концепции Арутюнова (и многих других), Гумилев доказывал, что между процессами этногенеза и культурогенеза очень много общего. Культура и культурогенез, равно как этнос и этногенез, обусловлены, по Гумилеву, одними и теми же факторами: общностью адаптивно-экологического происхождения – культура этноса во многом зависит от географической среды обитания; сочетанием внешних и внутренних энергетических процессов, получивших свое отражение в явлении пассионарности; едиными пространственными и этноконтактными границами; длительностью во времени биологического ритма; психо-поведенческими основаниями.

В процессе этногенеза создается специфический и избирательный тип мироотношения, характеризующий именно данный этнос. Создается этническая культура с характерной для нее господствующей культурной традицией, а также – специфическая система культурных форм, функционирующих посредством традиций и опосредующих мироотношение всего социума и каждого его члена, что обеспечивает реализацию этноса во вне. Так формируется особый этнический тип культуры. По мнению автора концепции, культура формируется в этногенезе как мироотношение определенного этноса и сохраняется у него, несмотря на пространственно-временную динамику внешних и внутренних свойств, а также чужое культурное воздействие извне.

Процесс этногенеза, по Гумилеву, включает в себя следующие фазы: исходную, пассионарный подъем, инкубационный период, явный период, акматическую фазу, фазы надлома, инерции, обскурации, мемориальную и гомеостаз [5, с. 211]. Таким образом, логика этногенеза, считал ученый, заключается в усложнении и обогащении внутренней структуры этноса и стереотипов его поведения, сменявшихся их упрощением и оскуднением. Она определяет и логику культурогенеза – модификацию традиций в культурную традицию, возникновение на базе последней культуры как целого, возникновение не только оригинального для каждого этноса стереотипа поведения, но и вместе с тем неповторимого культурного типа.

Энергетически питая культурогенез, этногенез детерминирует культурную специфику этносов на каждом из своих этапов: культурные традиции формируется в течение 150 лет инкубационного периода, культура, как целое, возникает в фазе подъема и кристаллизуется в акматической фазе. Длительность жизни культуры – приблизительно около 1500 лет, по О. Шпенглеру и Н. Я. Данилевскому, и этногенеза – около 1200–1500 лет, по Гумилеву, практически совпадают. Пережившая свой этнос культура, может продолжать существовать лишь как археологическая, но она, в отличие от этноса, не погибает.

Примеров тому, что культура, созданная этносами, переживает их, в истории народов более, чем достаточно. Например, в арабском этносе – в суперэтническом смысле – это вся мусульманская культура. Под влиянием новой религиозной системы – ислама, развивалась многообразная интеллектуальная жизнь, которая привела, в дальнейшем, к расцвету науки, искусства, своеобразных форм быта. С X в. энергия арабо-мусульманского этноса начала постепенно иссякать. Но именно в эту эпоху философия, литература, география, медицина, искусство дали максимальное количество шедевров [5, с. 117]. Несмотря на захватнические войны крестоносцев, почти уничтоживших этнос, оставалась самобытная культура этноса – произведение человеческого разума и человеческих рук. Она на тысячу лет пережила подъем этноса, породившего ее, и существует поныне. Культура арабского этноса в X–XII вв. восприняла множество новых элементов, привнесенных в нее инкорпорированными этносами, изменила свой облик и породила новые культурные формы. В результате завершившегося процесса этногенеза культура не исчезла, она осталась, но в новом своем облике.

Исходя из тезиса о зависимости культуры от фаз этногенеза, Гумилев полагал, что искусство расцветает более всего на спаде пассионарной энергии, когда наступает «золотая осень» цивилизации. Именно в этот период этногенеза те, кто прежде брался за оружие, чтобы совершать подвиги пассионарии, теперь берут в руки перо или кисть, для того, чтобы описывать их. Инерционная фаза этногенеза, названная ученым «золотой осенью», сопровождается, по его мнению, спадом пассионарности этнической системы, однако, в то же время происходит интенсивное создание и накопление материальных и культурных ценностей [5, с. 419].

Как видим, опираясь на свою концепцию, ученый проделал огромную работу, чтобы выяснить, каково действительно движение культуры в ритмах этногенеза. А поскольку культура, как и те же художественные стили – готика, например, развивается в рамках суперэтнических структур (западноевропейского католического мира, мира православной Византии (включая славян) ближневосточного мира и т.д.), то становится понятно, какой кропотливый труд нужен был для того, чтобы, привлекая факты истории, сопоставить культуру с этногенетической теорией пассионарных толчков. Картина в итоге получилась внушительная. Но до сих пор многие ученые – и не без весомых аргументов – считают ее мало обоснованной, скорее, искусно сконцентрированной.

В своих трудах Гумилев не стремился описывать богатые шедеврами эпохи: фазы расцвета культуры, по его словам: «описаны многократно, и повторять это описание нет смысла» [5, с. 430]. Гораздо важ-

нее было для него выяснить, почему светлые периоды истории культуры сменялись мрачными, и что такое вообще «упадок культуры»? [5, с. 431]. Прежде всего, он поставил перед собой вопрос: упадок, как и подъем, но чего? Ведь очевидно, что в этнических процессах и в истории культуры есть подъемы и спады, но они не совпадают друг с другом по фазе. Пассионарный взрыв, инициирующий пуск этногенеза и означающий подъем в этническом процессе, как правило, губителен для предшествовавшей культуры, приводит ее к упадку.

Так, арабы уничтожали библиотеки в Александрии, древние христиане разбивали шедевры античной скульптуры, готы, вандалы и франки сжигали города с памятниками архитектуры и т.д. Таким образом, искусство не раз в истории несло невосполнимые потери, но это, по мнению Гумилева, нельзя назвать упадком, так как творческий импульс в этносе оставался, а менялась только культурная доминанта. И наоборот, классическая эпоха упадка Римской империи (II–IV вв. н.э.) отмечалась увеличением изготовления статуй и фресок, строительством храмов и театров, сооружением триумфальных арок и т.п.

Итак, в результате обобщений многочисленных фактов из истории культуры, Гумилев сделал вывод о том, что в фазе этнической инерции наступает неизбежный упадок этноса. Но «облик этого упадка обманчив, ибо на него надета маска благополучия и процветания» [5, с. 433], то есть с гибелью этноса сохраняется его культура, а когда процесс этногенеза возобновляется, она продолжает существовать только в ином качестве, в иных культурных формах, присущих вновь родившемуся этносу.

Далее попытаемся проследить, как ученый в своей концепции пытался доказать, почему этногенез является источником развития культуры. Как уже было сказано, этногенез, по Гумилеву, возникает за счет пассионарного толчка. Будучи, согласно его взглядам, важным этническим признаком, пассионарные толчки или взрывы неотделимы от географии ландшафтов и всегда территориально локализованы. Как импульсы этногенеза, они задают определенной группе людей одинаковый энергетический заряд, обусловливающий единство их психической конституции и стереотипов поведения. Полученная в результате пассионарного толчка энергия – пассионарность – постепенно растрачивается в процессе этногенеза. Она уходит, по словам ученого, «на создание культурных ценностей и политическую деятельность, управление государством и написание книг, ваяние скульптур, на синтез новых идеологических концепций и строительство городов» [8, с. 210]. Любой такой труд требует усилий больших, чем те, что необходимы для обеспечения существования человека в равновесии с природой.

В результате подобных рассуждений Гумилев пришел к выводу, что «без пассионарных носителей, вкладывающих свою энергию в культурное и политическое развитие своей системы, никакой культуры и никакой политики не существовало бы» [8, с. 210]. Без пассионарности, считал он, не было бы ни «жаждущих знания» ученых, ни «религиозных фанатиков», ни «отважных путешественников», ни «храбрых воинов». Проявление пассионарности – способность жертвовать собою ради иллюзии. Очень часто такая жертвенность проявляется в культуре и искусстве, по этому поводу даже можно услышать, ставшее крылатым, выражение «искусство требует жертв». Художник, создавая свое творение, как бы жертвует собой, «переливает» часть своей энергии в свое произведение [5, с. 452].

Для нас была интересной следующая точка зрения ученого, согласно которой он считал, что в каждом оригинальном и прекрасном творении искусства, философии или литературы содержится комбинация из трех элементов: ремесленной работы, которой каждый может научиться, мысли и пассионарности художника. И, следовательно, развивает он свою мысль, если пассионарное напряжение коллектива фиксируется историей или археологией, то в шедеврах искусства каждый может отличить традицию от ремесла и темы, а то, что останется, это и есть след пассионарности мастера. Значит, в любом творении искусства обязательно «кроется» пассионарность.

Нами уже было отмечено, что на процесс создания этноса и суперэтноса влияют пространство и время. «Пространство» – это ландшафтное и этническое окружение. «Ландшафтное окружение» – это месторазвитие этноса, оно влияет на формы хозяйства, уклад данного этноса, определяет его возможности, перспективы. «Этническое окружение» – это связи с соседними этносами, контакты на межэтническом и суперэтническом уровне. «Время» – это фаза этногенеза, в которой находится этнос. Кроме того, уровень научно-технического прогресса, по Гумилеву, тоже оказывает влияние в рамках фактора времени, позволяя заимствовать уже имеющиеся технические достижения при создании новой культурной традиции. Эти же факторы, по утверждениям ученого, влияют и на характер создаваемой культуры.

Для пояснения этого вывода автор концепции снова обращается к историческим примерам и рассматривает четыре очага культурного творчества, существовавшие в один и тот же период времени – в VI–V вв. до н.э., в полосе единого пассионарного толчка, где возникли замечательные культуры [8, с. 196]. Это Древняя Греция с ее классической философией, Ирано-Туранский мир, расцвет учения Будды в Индии, Китай во времена Конфуция и Лао-Цзы. Все четыре названных

региона отличались одной общей чертой – здесь возникли знаменитые философские системы, дошедшие до нашего времени. Они очень не похожи друг на друга, но в то же время их изучают, сравнивают, считая непреходящими шедеврами.

Так, античные эллины интересовались проблемами мироздания, бытия и места человека в нем, они обращали внимание, прежде всего, на природу. Натурфилософы Греции пытались понять, как устроен мир, где источник всего живого. Древних персов, в отличие от греков, натурфилософия особенно не привлекала, они искали ответы на другие вопросы: что считать добром, а что злом, извечна ли вражда и в чем разница между светом и мраком. Так появилась философская концепция Заратуштры, ставшая основой для многих видов дуализма. В Древней Индии верили в переселение душ, в спасение своей души и обеспечения ей достойного воплощения после неизбежной смерти. Смысл жизни, как учил Будда, в том, чтобы совершенствоваться через ряд перерождений, стать святым и находиться в нирване, которая была труднодостижимой целью. Древние китайцы создали два учения, совершенно непохожие на три, ранее перечисленные – конфуцианство и даосизм.

Чем объяснить такие принципиальные различия? – спрашивал Гумилев и отвечал: вероятнее всего, такими факторами, как этническое окружение и контакты с соседями, уровень технического прогресса и фаза этногенеза, на которой находится этнос в данный отрезок времени. Правда, есть еще один компонент, играющий, по мнению Гумилева, решающую роль – энергия. Источником развития культурных, идеологических, философских систем является пассионарность, стремление к активной деятельности.

Таким образом, на основе изучения взглядов Гумилева, мы приходим к заключительному выводу, что, согласно его концепции, этногенез питает культурогенез своей энергией, в результате чего в каждом отдельном этносе создается оригинальный, непохожий на все остальные, культурный тип. Актуализация культуры в этногенезе и локализация ее природы факторами существования этноса обусловливают закономерную зависимость культурогенеза и культурной типологии от этногенеза и его фаз. От длительности существования этнической единицы, от ее пространственно-временной устойчивости, стабильности ее внутренних и внешних связей зависят процессы стереотипизации опыта, создания института традиции, превращения ее в культурную, возникновение культурных норм и стилей.

Подводя итог сказанному выше, следует обратить внимание на то, что взгляды Гумилева на динамику развития культур в соответствии и

сопоставлении с ритмами этногенеза, приводят к определенному сходству с основными положениями культурологических концепций Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера и А. Тойнби, хотя все они не идентичны. Идеи этих ученых сыграли значительную роль в становлении мировоззрения Гумилева и создании его концепции этногенеза. По мнению историка А. И. Куркчи, Гумилев не только сравнялся, но и превзошел их в объяснении смысла культурно-исторического развития человечества [9, с. 13].

Примечания:

1. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. 134 с.
2. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 168 с.
3. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971. 256 с.
4. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. Советская этнография. 1967. №4. С.99–100.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 528 с.
6. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. 297 с.
7. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 188 с.
8. Гумилев Л. Н. Сочинения. Конец и вновь начало. М.,1997. 544 с.
9. Гумилев Л. Н. Сочинения. От Руси к России. М., 1997. 335 с.

INTERRELATION OF ETHNOGENESIS AND CULTURAL GENESIS IN GUMILEV'S CONCEPT

Natalya G. Lagoyda
Cand. Sci. (Philos.), A/Prof., Department of Social Work Theory,
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: aspdep08@mail.ru

This article discusses the features of interrelation of ethnic and cultural phenomena, ethnogenesis and cultural genesis in the concept of Lev N. Gumilev. We substantiate the idea that ethnogenesis is a kind of energy source of cultural genesis is the energy source of cultural genesis. As a structuring principle of ethnosphere, it determines the cultural diversity of mankind. Ethnic culture is created in the process of ethnogenesis. Thus, energizing cultural genesis, ethnogenesis determines the cultural specificity of ethnoses

at each phase of its development. We have analyzed the interrelations and correlation of Gumilev's views with alternative ideas in science. It is concluded that the concept put forward by him, on the one hand, opposes the view points of modern ethnological knowledge, and, on the other hand, in many ways supplements them, enriching the ethnos theory with new ideas.

Keywords: ethnos, culture, language, ethnogenesis, phases of ethnogenesis, cultural genesis, eurocentrism, passionary impetus, self-awareness, spirituality.